
ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА

А.В. АРЕНДАРЕНКО

КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ

ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕОРИИ ПРАВА

В статье дается обзор научных подходов и концепций о роли и значении понятия социальной справедливости в правовой системе государства и жизни общества. Показана сущность социальной справедливости как важней-

шего понятия социально-политической и общественной жизни, от успешной реализации которого зависит эффективность российского законодательства.

Ключевые слова: Социальная справедливость, Принцип права, Система права, Законотворчество, Правоприменительная деятельность, Мораль, Восстановление справедливости, Соразмерность наказания, Правосознание.

A. ARENDARENKO

PROFESSOR, DEPARTMENT OF LAW SUPPORT IN ADMINISTRATION
AND MANAGEMENT, MGIMO UNIVERSITY, MOSCOW

MODERN APPROACHES TO THE SOCIAL JUSTICE CONCEPT IN THE LAW THEORY

The article covers scientific approaches and concepts on the role and the meaning of social justice in the state law system and the life of the

society. It reveals the nature of social justice as a key notion in the social and political life on which the efficiency of the Russian legislation depends.

Key words: social justice, law concept, law system, lawmaking, law enforcement, morality, restoration of justice, punishment ratability, legal conscience.

Для усвоения чего-либо социального достаточно подражательного воспроизведения действий других, даже без их осмысления и, тем более, духовного переживания. Можно привести ряд отличий справедливого и социального, но более важно указать на те, которые находятся в противоречии¹.

Во-первых, непримиримы иерархическая целостность справедливости и плюрализм соци-

альной реальности, основанный на природе человека и его взаимодействии с другими.

Во-вторых, противоречивы направления реализации справедливости и социального. Справедливость проявляется как чувство, которое даже у высокообразованных людей действует раньше сознания. При этом оценка происходит в душевной жизни каждого, после чего она воплощается в реальности как деяние. Социаль-

ное, напротив, действует на чувства и сознание человека: он подавляется им и не всегда осознает это. Например, Х. Ортега-и-Гассет замечает: "Если под словом "говорить" в строгом смысле понимается использование определенного языка, то речь - всего лишь результат механического усвоения языка. Тем самым акт речи, "говорение" - это действие, направленное снаружи внутрь"¹².

Названные отличия свидетельствуют, что справедливость и социальное настолько разнородны, что во взаимодействии друг с другом не могут сформировать некоторую определенность, а значит, сущность. Механическое соединение слов, которые их называют, не может создать сущности, а лишь, при определенных условиях, языковой обычаем, наполняемый субъектами произвольным содержанием. Это значит, что в данном понимании указанное словосочетание не имеет собственного содержания. Но даже при гипотетическом допущении существования предполагаемого феномена возникает вопрос: реализуется ли в нем справедливость? Достаточно взглянуть на последние события общественной жизни, чтобы убедиться в иллюзорности феномена социальной справедливости; а ведь этот "феномен" претендует на то, чтобы его восстанавливать посредством наказания.

В-третьих, социальная справедливость образна, идеальна, складывается независимо от конкретного индивида, не в полной мере им осознается и воплощается в реальности. Однако подобная характеристика заложена в понятии справедливости: соотношение ценностей основано на их сравнении. А это уже рациональный акт, в котором абстрагируются признаки, слагаемые в образы. Несмотря на то, что эти образы психически конкретны, их формирование происходит на протяжении всей истории и в этом участвует неопределенный круг людей.

Если совершается преступление, этот образ в один миг не изменится. Поэтому в данном случае прилагательное "социальное" к значению справедливости ничего нового не добавляет и становится речевым излишеством. В соответствии с логикой словоупотребления мы должны уточнять, что социальны все явления общественной жизни: социальный закон, социальная мера уголовной ответственности, социальные два года лишения свободы и т.д. В-четвертых, социальная справедливость - это справедливость, выявлен-

ная самим обществом в процессе своего исторического развития независимо от воли конкретного человека. Если же рассматривать справедливость, неужели можно заключить, что ее формирует какая-либо личность или что ее содержание зависит от воли человека? Даже от того, что в принятии юридических законов принимают участие не один человек, а множество лиц, законы не всегда справедливы³ и сама справедливость от этого не изменяется. И это потому, что справедливость действительно складывается в процессе исторического развития общества и не зависит от воли индивида. Это значит, что справедливость социальна и не может быть установлена индивидуально. Тогда добавление к названию социального феномена определения "социальная" ничего нового не привносит в лексическое значение этого словосочетания.

Теперь рассмотрим вариант, когда слово "социальная" употребляется для отнесения социальной справедливости к исключительно социальному явлению, которому противопоставляется индивидуальная справедливость. Здесь обозначается отношение предмета к другим элементам окружающей действительности. Уточним: для объективной общезначимости социальное следует понимать в самом широком смысле, чтобы не сводить его к мнению какой-либо группы, ограниченной своими интересами. В противоположность ему индивидуальное следует принять во всей его конкретной психической, физической определенности. Тогда в содержание социальной справедливости входят образы, наставления, значения только обобщенного характера, т.е. образцы, нормы, ценности. Они по определению противопоставлены всему, что индивидуально. Здесь мы сталкиваемся с тем, что входит в пространство справедливости, но в то же время выделяется в нем сферой социального. И это объективно необходимо, поскольку именно благодаря этому появляется свойство универсальности, что, в свою очередь, предопределяет способность выступать мериллом всякого оценочного отношения.

Следующее значение социальной справедливости можно образовать, если прилагательное "социальное" употреблять для того, чтобы показать, чья справедливость используется в рассуждениях, с точки зрения какого субъекта происходит оценивание. Здесь обозначается принадлеж-

ность слова "справедливость" некоторому социальному образованию, что противопоставляется, например, божественному или индивидуальному. Для выявления истинного значения рассматриваемого словосочетания вновь сопоставим его со значением справедливости. Если принять социальное в собственном смысле, т.е. не ограничивать его локальным, частным, то субъектом высказывания будут все и каждый одновременно. Социальное, при всей его абстрактности, становится реальностью только в конкретных актах поведения⁴. Но и в каждом поступке человека выражается социальное, каждый человек выражает справедливость, и в этом выражении одновременно присутствует и социальное, и индивидуальное, и божественное, если последнее мы признаем. Если же указать в качестве критерия разграничения социальной и индивидуальной справедливости ту позицию, которую занимал субъект в момент высказывания (от имени общества или от себя лично), то вновь вернемся к рассуждению в контексте смыслов, уже рассмотренных при противопоставлении социального и индивидуального в предыдущем абзаце.

Таким образом, из всех рассмотренных возможных значений словосочетания "социальная справедливость" его собственное значение образуется только в том случае, если противопоставить социальную и индивидуальную справедливость. В иных случаях словосочетание "социальная справедливость" никакого нового значения, которое не отражалось бы в категории справедливости, не образует.

Теперь уточним выявленное значение разграничения социальной и индивидуальной справедливости. Социальная справедливость, в отличие от индивидуальной, содержит типичные образы - понятия, нормы, образцы. Они универсальны, что позволяет использовать их для обобщения многообразия жизни. При этом если эти образы социальны, то они слагаются помимо воли конкретного человека и действуют в нем, на него и других таким же образом, ибо он сам социален. Независимо от того, что считает индивид, он "должен" поступать так, как "делают люди", и он действительно так поступает, поскольку он сам, как продукт социального, оперирует социальными понятиями, социальными образами и часто неосознанно подражает окружающим; самого человека (индивидуально определенно-

го) в этой социальной справедливости уже нет, есть тип. Последовательно продолжая эту линию, получим среднестатистического человека - некую абстракцию, ничто; за него и от его имени говорят другие, но уже конкретные. А они уже имеют свои представления, свою волю и свои цели, в соответствии с которыми вкладывают в содержание социальных образов то, что наиболее целесообразно. Для данного исследования существенно то, что это типичные образы, действующие в конкретных людях.

Итак, пространство социальной справедливости по определению при противопоставлении характеризуется тем, что содержит лишь универсальные модели, абстрактные и не зависящие от конкретного человека, что позволяет произвольно оперировать ими; эти модели воплощаются независимо от воли конкретного человека в его же поведении.

Уголовно-правовой аспект рассмотрения социальной справедливости уточняет ее практическое значение, она, выступая одной из целей уголовного наказания, предопределяет характер последнего. К какому же результату стремится уголовное наказание? К такому, при котором реализуются типичные образцы поведения без учета обстановки, а также индивидуальных особенностей наказываемого и потерпевшего. При этом наказание обосновывается тем, что "так принято", что социально сформированные модели должны быть построены, и не более. Это значит, что некий образец становится целью независимо от того, что из этого следует для конкретного человека. Например, одним из критериев восстановления "социальной справедливости" является реализация наказания. Это только обобщенная модель наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание, а также влиянию наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч 3 ст. 60 УК РФ). Это тоже обобщенная модель. Например, двум лицам назначили наказание, которое по форме соответствует всем образцам: смягчающее обстоятельство - "способствование расследованию преступления" - учли таким образом, что в отношении одного наказание постановили считать условным, а в отношении другого - к основному наказанию не стали применять дополни-

тельное. По форме, по модели это одно и то же, по сути - далеко нет. Но в обоих случаях можно констатировать: социальная справедливость восстановлена, ведь образец реализован, но для каждого участника общественных отношений он имеет свое содержание. Здесь наблюдается разрыв пространства справедливости, где она теряет свое значение. Пространство справедливости составляют ценности⁵, а это не просто идеи, но и психические процессы - чувства⁶. Это значимости, обладающие психической природой. Свобода, добро, любовь, вера - это не только идеи. Ценности основаны на жизненном опыте и внутренне присущи ему, они выражают не просто идеи, а индивидуальное психическое отношение, т.е. реальность. Понятия же не в силах охватить чувств⁷. Таким образом, как указывает Н.Н. Алексеев, жизненный опыт, а значит и чувства, включены в пространство справедливости.

Справедливость выявляет свое значение через творческий психический акт, в котором на основе чувств и при участии сознания создается актуальная значимость. Справедливость конституирует этическую систему, она охватывает все выявляемые ценности и выражает их соотношение, выступая для человека системой координат, без которой он не может ориентироваться в массе значимостей и осознанно взаимодействовать в социальной реальности. Произведенное выше разделение справедливости искусственно, интеллектуально, противоречит сущности справедливости, но оно заложено в том единственном значении социальной справедливости, которое было выше выявлено. В свою очередь, искажение сущности справедливости в термине "социальная справедливость" способствует ее произвольному толкованию. Таким образом, становятся ясными многие расхождения во мнениях относительно понятия социальной справедливости⁸.

Обобщая изложенное, приходим к выводу, что словосочетание "социальная справедливость" образует новое значение, отличное от значения справедливости, только в том случае, когда выражает противопоставление социальной и индивидуальной реальностей. Такое противопоставление искусственно и искажает значение справедливости, что, в свою очередь, негативно отражается на реализации уголовного наказания, поскольку, выступая целью уголовного наказания, социальная справедливость обуславлива-

ет служебно-инструментальное отношение к конкретному человеку⁹. Для того чтобы наказание реализовывалось в правовой среде и тем самым восстанавливало справедливость, предлагаем отказаться от разделения понятия справедливости на социальную, индивидуальную, политическую, историческую, криминологическую и т.д., а значит, и от использования в термине "восстановление социальной справедливости" слова "социальной"¹⁰.

Как форма осознания реальности социальная справедливость представляет собой отражение интересов субъектов, которое выражается в двух моментах. Во-первых, наличие интереса служит предпосылкой возникновения оценки с позиции социальной справедливости. Во-вторых, чтобы действия, поступки были оценены как социально справедливые, они должны "вмещаться" в рамки заданных интересов¹¹. Следует обратить внимание на два момента: социальная справедливость - это не просто показатель соотношения, "соизмерения" явлений, она представляет собой "разумную", "правильную" пропорцию и в таком качестве выступает как мотивационный двигатель человеческих поступков. Причем она может служить оценочным критерием не только того, что уже произошло, но и того, что еще наступит¹². Однако справедливость не просто представление о должном. Суть социальной справедливости состоит в том, чтобы установить и сконструировать меру человеческих поступков. Эта мера - своего рода оценка поступка, которая ориентирована на существующую в конкретном обществе иерархию ценностей. Справедливость - сложное явление, которое выражается в различных формах. Как и всякое иное, чувство справедливости исполняет "функции, необходимые для общественной жизни человека, его приспособления к общественной среде и изменениям этой среды с точки зрения интересов и потребностей не только личности, но и общества..."¹³. В основе формирования чувства справедливости лежит способность человека переживать привлекательное и отталкивающее и запоминать (фиксировать в памяти) эти переживания¹⁴.

Понятие "социальная справедливость" правомерно рассматривать как один из идеалов, с которым люди сверяют свои поступки¹⁵. Совпадая в определенных отношениях с идеалом, спра-

ведливость все же отличается от него. Например, О.Г. Дробницкий в работе "Проблемы нравственности" представил социальную справедливость как более сложное понятие, чем общественный идеал, воплощающее в себе понятие добра: "В отличие от более абстрактной идеи добра, где должное и ценное присущи нерасчлененному объекту, "справедливость" - это соотношение двух или нескольких моментов в единстве (деянию должно соответствовать воздаяние, преступлению - наказание, правам - обязанности, заслугам - почести, награды)"¹⁶.

Остановимся на современной ситуации, для которой характерна неоднозначность отношения к социальной справедливости, ее месту в системе социальных и государственно-правовых процессов. С одной стороны, идея социальной справедливости пронизывает человеческие потребности и интересы, придавая им нравственный и правовой ракурс, с другой, - как это ни парадоксально, именно идея социальной справедливости подвергается сегодня критике и сомнению¹⁷. Существуют два основных направления критики. Первое подвергает сомнению саму идею социальной справедливости, ее роль и значение для политико-правовой деятельности государства и его институтов. Смысл аргументов сторонников этой точки зрения состоит в том, что правовая и политическая деятельность власти обеспечивается позитивными законами, которые имеют в качестве основного своего источника решения законодательных органов власти и реализуются в силу государственного принуждения. В этом замкнутом круге теряются ценность и естественно-правовая природа социальной справедливости. Данная точка зрения - пример классического правового позитивизма.

Второе направление критики отражает противоположную точку зрения и представляет собой анархическую критику социальной справедливости. По мнению его сторонников, защита принципов свободы требует отказа от любых самых справедливых запретов и предписаний, в связи с чем необходимо отвергнуть всякий порядок принуждения, а следовательно, и любую форму государственно-правового сообщества. Правда, это критическое направление в принципе не отвергает идею социальной справедливости, но выступает против правовых условий ее осуществления и существования. Таким образом,

социальная справедливость и здесь остается неустребованной¹⁸. Следует сказать, что и в отечественной юридической литературе существует мнение о несовместимости права и морали, так как законодатель не в силах превратить в право моральные нормы. Более того, существует точка зрения, согласно которой вопрос об определении права через социальную справедливость неправилен¹⁹.

Конкретное выражение социальная справедливость находит в правовых нормах, а также в поступках людей, применяющих эти нормы²⁰. Чтобы понять, как проявляется внешняя связь и соотношение между правом и моралью, а следовательно, как она выражается в соотношении права и социальной справедливости, рассмотрим две основные формы ее функционирования. Одна из них - форма, в которой право присутствует лишь как минимум нравственности. Иными словами, сфера их совпадения и единства в данном случае весьма узка, она ограничена принудительным требованием минимума добра и установления правопорядка, который не допускает лишь крайнего проявления зла. Вне этой узкой сферы если и есть совпадение права и нравственности, то оно представляет собой совпадение в разных отношениях, т.е. сохраняется различие качественных характеристик. При этом подчеркивается не то, что их связывает, а то, что их разделяет, - их специфическая природа и самостоятельность²¹.

Вторая форма соотношения права и нравственности характеризуется тем, что они представляют справедливость как единство, но не в одном, а в разных отношениях. Иначе говоря, если в первом случае, в рамках понятия права как минимума нравственности, ограниченность единства права и нравственности проявляется в сфере их действия, то здесь - в способе и качестве связи как связи, в которой они воспроизводятся в виде внешних моментов, в разных отношениях. Скажем, социальная справедливость играет роль правового начала по отношению к правонарушителю, и напротив, она играет роль нравственного начала по отношению к лицу, не совершившему противоправного поступка. В таком соотношении, как видим, социальная справедливость выступает в виде совокупности отдельных моментов (правового и нравственного), внешних

по отношению друг к другу в силу того, что они относятся к разным субъектам.

В самом деле, с точки зрения законопослушного лица, социальная справедливость представляет интерес лишь в плане ее нравственного начала, которое предполагает равенство и беспристрастность в осуществлении им своей свободы. Что же касается правового начала, принудительной формы наказания, то это свойство его мало интересует. Совершенно иное восприятие социальной справедливости у правонарушителя (преступника), интерес которого состоит в том, как и каким образом выраженное в социальной справедливости правовое начало воздействует на него в виде лишения свободы или иной формы наказания.

Рассматриваемый аспект проблемы дает нам понимание права как абстрактной справедливости, т.е. социальной справедливости, которая еще не несет в себе конкретного содержания. Абстрактность здесь проявляется в том, что действие права лишь в небольшой, "минимальной сфере" совпадает с нормами нравственности, во всех же остальных "сферах" право абстрагируется, отвлекается от норм морали. В результате основная сфера действия нравственности находится за пределами права и правовой защиты. Вторая форма анализируемого единства позволяет понять право как формальное отражение социальной справедливости²². Однако из этого вовсе не следует вывод о том, что излагаемая ступень познания единства права и социальной справедливости ничего не добавляет к формальному равенству права. Рассмотренная первая форма единства содержит принципиально важный вывод о том, что единство права и нравственности существует не только в представлении, но и реально, как "сущее", в "минимальной сфере" своего действия. Это обстоятельство есть необходимая предпосылка для познания более содержательного свойства права как социальной справедливости²³.

Социальная справедливость - существенный признак права. Познание более содержательной и глубокой ступени соотношения права и социальной справедливости предполагает раскрытие имманентной, внутренней связи между ними. На данной ступени познания социальная справедливость, представляя единую сущность, преобразует представление о праве и нравственнос-

ти, придавая им новые свойства и качества. Здесь мы имеем дело с общей закономерностью целого и его частей, которую обнаружил еще Аристотель. Справедливость, выступая по отношению к праву и морали в качестве целого, общей сущности, преобразует их, и они лишь в связи с ней "суть то, что они суть".

Рассмотрим теперь более подробно, как превращается право, обладающее свойством формальной справедливости, в право как социальную справедливость. Способ такого превращения имеет следующие этапы. Вначале социальная справедливость существует как справедливость моей субъективной воли в условиях социума: поскольку я признаю свободу других как право, постольку я утверждаю и свою свободу в качестве права. Однако в реальной жизни такого признания и самоограничения личной свободы недостаточно. Ограничение моей свободы зависит не только от меня и является не столько моим субъективным волеизъявлением, а обусловлено общественным интересом, который выступает в форме общественного блага²⁴.

Принудительное свойство социальной справедливости выступает гарантом того, что моя личная правовая свобода не только не будет нарушена, но и будет реализована в равной степени со всеми. Таким образом, гарантия реализации моего равного права наравне с другими имеет специфическое и качественное определение: она есть право, основа которого - социальная справедливость. Требование принудительной социальной справедливости составляет существенный признак права²⁵. Следует обратить внимание на то, что способ превращения права в социальную справедливость осуществляется посредством двух уровней - индивидуального (личной справедливости) и общественного (выражение общего интереса и добра). Второй уровень выступает, как было показано, в форме принудительной, или (это то же самое) обязательной справедливости. Он является определяющим, превращая личную справедливость из субъективной в объективную, защищенную правовым законом. Синтез этих уровней представляет целостную природу справедливости, ее содержание. Следует также сказать, что социальная справедливость имеет конкретно-исторический характер (контекст), в котором конкретное соотношение классовых сил играет весьма существенную роль.

Вместе с тем конкретно-исторический подход к познанию социальной справедливости не умаляет значения общесоциологических идей, выраженных в ней.

Социальная справедливость (справедливое право) имеет непосредственное отношение к проблемам теории права и всем сферам действия правовой системы - законотворческой, правоприменительной и субъективному праву, т.е. правовому сознанию, правовой культуре, правовым традициям и т.д. Выше уже говорилось о том, что справедливость составляет одну из сущностных характеристик права, придавая ему "окончательный и существенный признак"²⁶.

Принципиальное значение такой подход имеет для содержательного понимания принципа законности. В самом деле, без социальной справедливости законность (точное и неукоснительное исполнение законов и иных правовых актов) превращается в формальный акт, лишенный социального и гуманистического содержания, долгосрочной перспективы.

Принцип законности не предопределяет содержания уголовно-правового регулирования, а лишь требует облекать те или иные правила в юридическую форму. Поэтому законность - это формальный принцип. Напротив, социальная справедливость - содержательный принцип (принцип деятельности), поскольку он определяет само содержание самой нормы. Социальная справедливость как деятельный, а не формальный принцип предполагает системность, т.е. одновременность реализации ее ценностей во всех фазах или сферах: законотворческой, правоприменительной и правосознании. Нарушение системности может привести (и приводит) к негативным и социально-правовым последствиям. Скажем, законодательство закрепляет социальную справедливость в качестве своего принципа; одновременно с этим с законодателя снимается обязанность изменять или отменять ту или иную норму права в случае признания ее не соответствующей этому принципу. В этом случае перед государством открывается простор для использования силы принуждения, в том числе в реализации несправедливых правовых норм, блокирующих защиту прав и свобод человека. Столь же отрицательные последствия могут наступить, если правовое сознание и правовая культура

граждан будут "выключены" из механизма действия права²⁷.

В вопросе о том, какие принципы должны быть положены в основу справедливого общественного устройства, существуют *три подхода к социальной справедливости*, предложенные Т. Спрагенсом, - гегемонический, скептический и плюралистический.

Гегемонические теории предлагают универсальные принципы социальной справедливости. Яркий образец данного подхода - теория К. Маркса. Теории Дж. Роулза и Р. Нозика представляют собой более умеренный вариант гегемонического подхода.

Скептическим теориям свойственно обращаться к справедливости в социуме как к иллюзорному понятию. Социальная справедливость на практике получает определение, совпадающее с интересами сильнейшей партии в обществе. Правильное распределение социальных ресурсов не определяется принципами социальной справедливости - это своего рода результат сделки между группами с соперничающими интересами. Вариант скептической позиции демонстрируют теоретики неоллиберализма, например Ф. Хайек. Утилитаристы также могут быть отнесены к скептическому подходу. Абстрактное значение социальной справедливости в утилитаризме - "каждому то, что причитается". Однако то, что причитается тем или иным индивидам, определяет социальный договор. Правила социальной справедливости есть соглашения о распределении собственности, которые создаются обществами и приводятся в жизнь в преследовании общественного счастья и спокойствия.

Основываясь на идее Дж. Роулза, Д. Белл попытался очертить границы социальной справедливости в буржуазной социальной системе. Выход за эти пределы будет означать лишь проявление зависти к обладателям власти и способен породить популистскую идеологию, выступающую против элитаризма. Д. Белл оценивал идеалы равенства и справедливости в социуме как недостижимые²⁸. Гегемонические и скептические подходы, акцентируя внимание на распределении и экономических отношениях, представляют собой дистрибутивную модель социальной справедливости.

Беспристрастность и универсальность принципов социальной справедливости, выдвинутых Дж. Роулзом, а также его понимание исходной ситуации "справедливости как честности" были подвергнуты обширной критике М. Санделом. Теория социальной справедливости Дж. Роулза в его понимании воплощает деонтологическое видение субъекта и "заключает в себе те принципы, которые конструируют суверенный субъект, находясь в ситуации, предшествующей созданию любых ценностей. Она позволяет постепенно реализовать эту перспективу, ибо справедливое общество, вооруженное такими принципами, направляет выбор каждым человеком своих целей таким образом, чтобы они согласовывались с аналогичной свободой для всех"²⁹. Деонтологическое видение социальной справедливости ошибочно прежде всего потому, что субъект выступает "обескровленным", а не освобожденным. Свое возражение М. Сандел называет социологическим, подчеркивая в нем глубокое влияние социальных условий на формирование индивидуальных ценностей и политических устройств. Согласно этому возражению, нейтральность невозможна, потому что, "как бы мы ни старались, никогда не сможем полностью устранить влияние нашей обусловленности"³⁰. Любой политический строй, по словам исследователя, воплощает в себе какие-то ценности. Вопрос заключается лишь в том, чьи ценности получают перевес и кто в результате выигрывает или теряет.

Реализация принципа социальной справедливости в современных условиях (в рамках плюралистического подхода) состоит в установлении демократической коммуникации всех заинтересованных групп. Можно предположить, что углубление представлений о социальной справедливости, связанное с отходом от универсальной модели, имплицитно связано с процессами трансформации в самой науке, в которой все

большее распространение приобретают теории действия³¹. "Общество предстает теперь как непрерывное, вечное движение"³², в котором, благодаря сменяющим друг друга фазам творчества деятелей и структурной детерминации, происходят взаимные изменения деятельности и структуры.

Профессор В. Мау, руководитель Рабочего центра экономических реформ при Правительстве России, пишет о том, что принцип социальной справедливости не имеет единой трактовки ни в теоретических исследованиях, ни в конкретных конституционных документах. Под ним понимается и обеспечение максимального равенства всех членов общества, и недопущение чрезмерного расслоения, и создание равных стартовых условий, и обязанность государства поддерживать наименее защищенные слои общества, и предоставление всем гражданам равного минимального набора базовых социальных гарантий³³.

Мы склоняемся к точке зрения, согласно которой принцип социальной справедливости заключается в предоставлении всем гражданам равного минимального набора базовых социальных гарантий, а также обязанности государства поддерживать наименее защищенные слои общества.

Социальная справедливость как один из основных принципов нравственности, регулирующих совокупность общественных отношений обменного и распределительного типа, сообщающий человеку права и обязанности, представляет собой одно из самых диалогичных, интенционально наполненных понятий общественно-политической практики, полифоничную, постоянно становящуюся идею совершенства общественных отношений, которая призвана лежать в основе государственной политики, принимаемых законодателем законов и разрешения возникающих споров (конфликтов).

¹ Подробнее см.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. - М.: Аст, 2002. С. 659.

² См.: Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста: Учебное пособие. М., 1997. С. 93, 94; Кострова М. Особенности реализации языковых правил законодательной техники в уголовном законе // Уголовное право. 2002. № 2. С. 39.

³ См., напр.: Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12. С. 2-7.

⁴ См.: Ортега-и-Гассет Х. Указ соч. С. 621.

⁵ См.: Ортега-и-Гассет Х. Указ соч. С. 621.

⁶ См.: Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 96-104, 119.

⁷ Там же. С. 105-107, 109, 122; Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.-М., 2000. С. 644, 645.

⁸ См.: Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 99-122.

⁹ См.: Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1982; Платон. Законы. М., 1999. С. 207, 208; Аристотель. Политика. М., 2002. С. 105.

¹⁰ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 99.

¹¹ При этом следует иметь в виду, что интерес может быть не только прямым, но и косвенным, не только первостепенным, но и менее важным. Специфическая (сложная и противоречивая) человеческая природа субъекта обуславливает существование у него множества интересов, в том числе конкурирующих друг с другом и даже противоположно направленных.

¹² См.: Сулин Ю.И. Справедливость как чувство, понятие, оценка, норма // В кн.: Актуальные проблемы марксистской этики. Тбилиси, 1967. С. 209-212.

¹³ См.: Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1971. С. 153.

¹⁴ Чувство справедливости есть чувство меры в общении человека с другими людьми, в его отношении к обществу; оно побуждает людей не только к уяснению и анализу социальной ситуации, но и в случае необходимости к действиям, направленным на ее изменение. Данное чувство является одним из ведущих элементов эмоциональной жизни человека. К тому же оно относительно устойчиво, то есть, однажды сформировавшись, это чувство укореняется на многие годы.

¹⁵ См.: Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М., 1960. С. 285.

¹⁶ См.: Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 57.

¹⁷ См., напр.: Miller W.B. Die Kultur der Unterschicht als ein Entstehungsmilieu für Bandendelinquenz. Fritz Sach // Rene Konig (Hrsg.): Kriminalsoziologie. Frankfurt/M., 1968. 339-359; Moser T. Jugendkriminalität und Gesellschaftsstruktur. Frankfurt/M., 1970; Парк Р.Э. Конкуренция и конфликт // Вопросы социологии. 1994. № 5; Schneider H. Kriminologie. Berlin, 1986; Шур Э.М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. М., 1977.

¹⁸ См.: Черненко А.К. Право как справедливость: ступени познания // Метод доступа: http://www.philosophy.nsu.ru/life/journals/humscience/1_98/21_CHERN.htm.

¹⁹ Такое-де определение ничего не добавляет к признанию в качестве принципа права формального равенства. Все это свидетельствует о сложности и дискуссионности рассматриваемых проблем.

²⁰ См.: Черненко А.К. Указ. соч.

²¹ Значение нравственности состоит в ее внутренней свободе и стремлении к неограниченному развитию. Право же, включая в себя минимум нравственности, по-прежнему выступает в виде законов, для которых характерна не их связь с жизнью, а принудительная форма реализации. Словом, они различны в своих специфических качествах.

²² В самом деле, здесь мы пока не рассматриваем содержательные и качественные свойства социальной справедливости, а ограничиваемся ее свойством формального равенства. О соотношении понятий "социальная справедливость" и "равенство" см. параграф 4 настоящей главы.

²³ Что же касается познания свойства права как формальной справедливости, то такое познание особенно важно. Дело в том, что свойство права как формальная справедливость вводит нас в мир естественного права, причем мир этических ценностей и ориентиров.

²⁴ В силу этого мера ограничения моей свободы в равных пределах со всеми есть объективная и независимая от человека мера. Это принудительная справедливость - закрепленное правовым законом общественное благо.

²⁵ Базовая составляющая этого признака и свойства - идея общего блага и общественный интерес в реализации добра. Осуществление в праве общего блага есть необходимое условие того, чтобы социальная справедливость непременно становилась реальностью, а не оставалась субъективным пожеланием.

²⁶ В этом плане нельзя не согласиться с тем, что право становится таковым, лишь впитав в себя идеи подлинной справедливости. Закон становится правом, если он отвечает требованиям социальной справедливости.

²⁷ См.: Черненко А.К. Указ. соч.

²⁸ См.: Давидович В.Е. Указ. соч. С. 79.

²⁹ Sandel M. Idid. P. 183.

³⁰ Ibid. P. 179.

³¹ См. труды следующих ученых: А. Этциони, А. Турен, М. Арчер, Э. Гидденс, П. Штомка и др.

³² См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 292.

³³ См.: May V. Конституционное регулирование социально-экономических отношений // Вопросы экономики. 1999. № 4. С. 32.